

Король Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрый (1252–1284) — выдающийся политический деятель своего времени, король-мыслитель, король-писатель, король-трубадур, король-рыцарь, чье кастильское «возрождение XIII века» заложило основы современного испанского языка и испанской культуры Золотого века. Глубоко и серьезно рефлексировавший над прошлым Испании, Мудрый король впервые осмыслил политическое пространство современных ему королевств Леон и Кастилия, земель Арагонской Короны, Наварры, Португалии и мусульманской Гранады как политическое и культурное единство с общей исторической судьбой, что во многом предопределило будущее объединение испанских земель в единое государство. Монография, написанная при участии видных историков-медиевистов из России, Испании, Аргентины, Бразилии, Великобритании и некоторых других стран, отражает современное состояние исследований вклада Альфонсо X в формирование основ испанской и европейской культуры.

...Acostunbran los caualleros quando comian que les leyesen las estorias de los grandes fechos de armas que los otros fizieran & los sesos & los esfuerços que ouieron para saber los vençer & acabar lo que quieren... E esto es porque oyendolas les creçerian las voluntades & los coraçones & esforçauanse faziendo bien & queriendo llegar a lo que los otros fizieran o pasaran por ellos (Alfonso X. Las Siete Partidas. II.21.20).

...В обычае у рыцарей было, чтобы во время приема пищи они читали истории о великих военных подвигах, совершенных другими рыцарями, и о мыслях и усилиях, которые те предпринимали, чтобы суметь победить и довести желаемое до конца... И это делалось для того, чтобы у слушателей укреплялись воля и сердца и чтобы они воодушевлялись, совершая благие дела и стремясь сравняться с тем, что было совершено другими рыцарями, или же превзойти их (Альфонсо X. Семь Партид. II.21.20).

ISBN: 978-5-904994-35-8

9 785904 994358

ИСТОРИК И ВЛАСТЬ, ИСТОРИК У ВЛАСТИ АЛЬФОНСО X МУДРЫЙ И ЕГО ЭПОХА

И С С Л Е Д О В А Н И Я
СРЕДНИЕ ВЕКА

О.В. АУРОВ, А.В. МАРЕЙ, Р. ПИЧЕЛЬ
(ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ)

ИСТОРИК И ВЛАСТЬ ИСТОРИК У ВЛАСТИ АЛЬФОНСО X МУДРЫЙ И ЕГО ЭПОХА

HISTORIADOR Y PODER,
EL HISTORIADOR EN
EL PODER:
ALFONSO X EL SABIO
Y SU ÉPOCA

(AL VIII CENTENARIO DEL NACIMIENTO)

Editores:

OLEG AUROV, ALEXANDER MAREY, RICARDO PICHEL

MOSCÚ
EDITORIAL ALMA MATER
2024

ИСТОРИК И ВЛАСТЬ, ИСТОРИК У ВЛАСТИ: АЛЬФОНСО X МУДРЫЙ И ЕГО ЭПОХА

(К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Под общей редакцией
О.В. АУРОВА, А.В. МАРЕЯ, Р. ПИЧЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«АЛЬМА МАТЕР»
МОСКВА, 2024

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЛЬМА МАТЕР»
МОСКВА, 2024

О ЧЕМ ЕЩЕ НЕ СКАЗАЛ БАХТИН: ГЕТЕРОГЛОССИЯ И ПОЛИФОНИЯ В ИСТОРИЯХ АЛЬФОНСО Х

В 1984 г. Чезаре Сегре задавался вопросом, что мог, но не написал Бахтин о средневековой литературе. Оставляя в стороне его наиболее спорные идеи, такие как утопическая народность карнавала¹⁰⁴⁹, он концентрировал внимание на его подходе к языку и романному дискурсу, таких понятиях, как гетероглоссия (разноречие), диалогизм и полифония, которые он применял по отношению к особой традиции французского *roman*. В этом новаторском исследовании убедительно показано, что с тех пор, как русский мыслитель стал известен европейским и американским ученым благодаря работам Юлии Кристевой и Цветана Тодорова, его размышления о языке и литературе проявили неожиданную пластичность¹⁰⁵⁰. Хотя адаптация идей Бахтина, как правило, ограничивается темами, связанными с художественным дискурсом, в особенности, романом, я, вслед за Сегре, считаю, что эти идеи могут помочь нам лучше понять и другие формы дискурса Средневековья.

В дальнейшем я буду использовать его подход при рассмотрении историографических сочинений Альфонсо Х, сосредоточив внимание на «Всеобщей истории». Я также использую этот опыт

¹⁰⁴⁹ С тех пор эти идеи были в значительной мере оспорены и пересмотрены русской и западной критикой; см., например, работы: Gurevich 1992; 1993; Krynski 1997 или Emerson 1999; Emerson 1999; 2002. Об утопичности карнавала и его корней см.: Clark, Holquist 1986: 295–320, Emerson 1988: 520; Stallybrass, White 1986: 7–12.

¹⁰⁵⁰ Относительно истории см.: Burke 1998b; литературы и литературоведения — Díaz-Diocaretz 1989; 1993; Thomson 1990; Bauer 1991; McKinsty 1991; Bell-Gardiner 1998; C tedra-Vauthier 2003; Vauthier 2007; исследований религии — Reed 1993; Contino, Felch 2001; Boer 2007. Что касается медиевистики, где популярность Бахтина оказалась несколько ниже по сравнению с другими областями, см.: Lope 1988; Farrell 1996a; Burke 1998a; Fruoso 2020, или многочисленные работы Луизы Васвари об эротичности и гротескности юмора в средневековой литературе на испанском языке. С помощью этого произвольного перечня я хочу лишь наскоро обрисовать неполную панораму значительного воздействия идей Бахтина на дисциплины XX в., изучавшие дискурс (специально избегаю определения «гуманитарные», поскольку не включаю сюда дисциплину, на которую эти идеи оказали наибольшее влияние, — философию). В то же время не могу не признать очередное преобладание англоязычных авторов в этом перечне, которое объясняется моими академическими контактами с рецепцией Бахтина в ее североамериканском варианте.

интерпретации для того, чтобы оценить пригодность идей Бахтина и внести тем самым свой минимальный вклад в развитие поэтики средневековой историографии, продолжая линию недавних исследований испанской¹⁰⁵¹ и других средневековых традиций¹⁰⁵². Размышления Бахтина представляют собой интерес в качестве методологических инструментов, позволяющих лучше понять эту прозаическую форму¹⁰⁵³ и продемонстрировать органичность слияния ее текста и его переделок, переводов и адаптаций. Вслед за русским ученым, я полагаю, что эти характеристики соответствуют собственным эволюции литературного языка процессам, которые выходят за рамки, установленные самыми строгими жанровыми классификациями — типологиями, вызывающими сегодня споры¹⁰⁵⁴, и для которых в значительной степени свойственна взаимосвязанность различных дискурсивных систем Средневековья¹⁰⁵⁵.

Хотя до сих пор остается дискуссионным вопросом, какими именно были пространственно-временные координаты историографии на романсе в средневековой Кастилии¹⁰⁵⁶, никто не сомневается, что официальная дата ее рождения относится к началу культурной деятельности Альфонсо X во второй половине XIII в. Как утверждает Фунес, среди всех прозаических форм, возникающих в тот момент и продолжающих адаптироваться и развиваться до своего закрепления в первой половине XIV в., историография Альфонсо X обладает особыми чертами, позволяющими поместить ее в центр универсума кастильской прозы¹⁰⁵⁷. Среди этих черт — ее раннее формальное развитие (наследие латинских образцов) — и широкое разнообразие других дискурсивных типов, позволяющее ассимилировать в пределах одной текстуальной матрицы короткое и пространное дидактическое повествование, назидательную и морализаторскую прозу, эпическую поэзию и агиографию¹⁰⁵⁸. В то же время это наиболее пластичная и завершенная литературная модель, вводящая стандарт для историописания, действующий по крайней мере до конца XV в. Стоит отметить, что эти две характеристики — способность к адаптации, но в то же время относительная устойчивость, в которой будет заключаться привлекательность *историй* для авторов последующих переработок XIV и XV вв., — являются чертами, которые Бахтин определил как свидетельствующие о способности

¹⁰⁵¹ Mencé-Caster 2018.

¹⁰⁵² Djordjević 2000: 22; Dearnley 2016: 1–18.

¹⁰⁵³ Ward 2011: 10–20.

¹⁰⁵⁴ Ward 2009: 158–159.

¹⁰⁵⁵ Markevičiūtė 2020.

¹⁰⁵⁶ Fernández-Ordóñez 2002–2003.

¹⁰⁵⁷ Funes 2020: 445.

¹⁰⁵⁸ Funes 2017: 58.

романного жанра к обновлению в современности: «Все особенности романа, как становящегося жанра, — композиционные, сюжетные, стилистические, — характеризуются исключительную пластичностью и должны рассматриваться не как твердые жанровые признаки, а как тенденции становления жанра, позволяющие угадывать более общие и глубокие тенденции развития всей литературы»¹⁰⁵⁹.

Таким образом, неудивительно, что, обладая этими свойствами, историография превратилась в самый популярный в средневековой Кастилии прозаический жанр на романсе — возможно, самый читаемый и, несомненно, самый копируемый. В то время как сакрализованные сегодня произведения Хуана Мануэля или Хуана Руиса, «прокомментированные критикой на тысячах страниц, дошли до нас в очень малочисленных или даже единственных экземплярах, библиотеки, напротив, переполнены кодексами с копиями так называемых хроник»¹⁰⁶⁰.

Когда мы углубляемся в запутанный текстуальный лес Альфонсовой историографии, как называл ее Менендес Пидаль, возможно, перефразируя слова из «Генезиса» «Всеобщей истории» Альфонсо X¹⁰⁶¹, сразу же бросается в глаза ее высокий уровень гетероглоссии, то есть присутствует «чужая речь на чужом языке, служащая преломленному выражению авторских интенций»¹⁰⁶². Гетероглоссическое понимание слова проявляется в повествованиях, избегающих унифицированной позиции, при которой единственные идентифицируемые язык и дискурс — автора или повествователя. Напротив, в исторических трудах Альфонсо X очевидно присутствие других голосов, принадлежащих античным и средневековым историкам — источникам информации. Они присутствуют в повествовании об истории в виде косвенной речи, прямой речи или обрамленных рассказов. Однако эта речь оказывается переориентирована на выполнение новой цели, связанной с имперскими амбициями Мудрого короля, испанскими и континентальными¹⁰⁶³.

¹⁰⁵⁹ Bajtín 2019: 32 (русский перевод: Бахтин 2012: 645)

¹⁰⁶⁰ Fernández-Ordoñez 1993: 101.

¹⁰⁶¹ Catalán 1997: 4. Я думаю об описании девственных лесов, где Иувал брал древесину для изготовления своих музыкальных инструментов, являющемся амплификацией Альфонсо X «Схоластической истории» Петра Коместора, в которой уже было расширено краткое библейское упоминание Иавала и Иувала (Быт. 4:20–21): «когда бродили по лесам Иавал со своими стадами и Иувал в поисках древесины для его музыкальных инструментов, они нашли такую густую чащу, как будто никогда еще не ступал там человек, и не рубили там деревьев, и из-за этих зарослей нельзя было там ни ходить, ни пройти из одного места в другое» (GE. 1: 25).

¹⁰⁶² См.: Farrell 1996b: 3 (русский перевод: Бахтин 1975: 137).

¹⁰⁶³ Fernández-Ordoñez 1992; Fernández-Ordoñez 2020.

Цель историографических проектов Альфонсо Х — рассказать о событиях в мире и на полуострове, произошедших до его правления, — была бы недостижима без использования гетероглоссической структуры. Зависимость от чужой речи имплицитно проявляется на каждом листе *историй*, начиная с прологов, которые описывают эти *истории* как продолжение трудов «древних мудрецов»¹⁰⁶⁴, «создавших ... множество книг, называемых истории и деяния, где рассказали о делах Господа и пророков и святых, а также королей и знати и рыцарства и народов»¹⁰⁶⁵, «и еще о делах Испании, которая находилась под властью многих»¹⁰⁶⁶. Чужие голоса снова слышны уже внутри глав, когда историки рассказывают об историческом развитии, всегда обращая внимание на то, что их источниками являются рассказы «Библейской истории», «арабские труды», «труды мудрецов и святых отцов» или «труды языческих авторов»¹⁰⁶⁷.

Постоянные отсылки *историй* к другим авторам и другим текстам свидетельствуют о том, что между историографическим словом и его историческим объектом в качестве посредника находится чужое слово. Согласно идее дискурсивного посредничества между лингвистическим знаком и экстралингвистическим феноменом, которая встречается в работах раннего Бахтина и предвосхищает введенное Деррида понятие *différance*, еще до того, как приступить к своему труду, сотрудники Альфонсо Мудрого находились перед лицом реальности истории, охарактеризованной и обсужденной авторами, имена которых могут быть отнесены к временам вплоть до библейских пророков. Вспоминая начальное предостережение из Книги Екклесиаста¹⁰⁶⁸, включенное во «Всеобщую историю», историки должны признать, что «ни о чем новым под солнцем никто не может сказать: это сделано впервые, потому что века назад уже происходили вещи, которые были до нас»¹⁰⁶⁹. Исторический объект, отмеченный чужим словом, «опутан и пронизан общими мыслями, точками зрения, чужими оценками, акцентами»¹⁰⁷⁰.

¹⁰⁶⁴ E1, fol. 2ra.

¹⁰⁶⁵ GE. 1: 5.

¹⁰⁶⁶ EE E₁, fol. 2va.

¹⁰⁶⁷ GE. 1: 32, 160, 491; 2: 43.

¹⁰⁶⁸ Еккл. 1:10.

¹⁰⁶⁹ GE. 5: 461.

¹⁰⁷⁰ Bajtin 2019: 512 (русский перевод: Бахтин 1975: 90). Для Бахтина акценты — это значения и смыслы, заранее приписанные высказыванию и неразрывно с ним связанные: «Ведь всякое конкретное слово (высказывание) находит тот предмет, на который оно направлено, всегда, так сказать, уже оговоренным, оспоренным, оцененным, окутанным затемняющей его дымкой или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем. ... Направленное на свой предмет слово входит в эту диалогически взволнованную и напряженную среду чужих слов, оценок и акцентов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одними, отталкивается от других, пересекается с третьими;

Вероятно, можно возразить, что феномен чужого голоса, описываемый мной применительно к *историям*, не является редкостью для Средних веков и встречается не только в историографии на романсе. Это верно; данное понятие может быть отнесено, например, к дискурсам, которые допустимо объединить, пусть и с некоторой долей анахроничности, как «академические». Это касается латинских трактатов по теологии, философии и истории и, что в культурном отношении ближе Альфонсо X, схоластических энциклопедий XIII в. Достоверность данных текстов, как это объясняют Шеню, Миннис и Помье-Фукар¹⁰⁷¹, зависит от авторитета (*auctoritas*) их источников, слова и авторы которых цитируются открыто и регулярно. Этот способ создания текстов, являющихся одновременно новыми и старыми, как их описывает Винсент из Бове в прологе к «Великому зеркалу» (*Speculum maius*), соответствует диалогическому пониманию письма, признающему существование «океана» чужих интонаций¹⁰⁷², о котором говорил Бахтин. Это превращает средневековую текстуальность в «сосредоточие разноречивых голосов, среди которых должен звучать и его [автора] голос; эти голоса создают необходимый фон для его голоса, вне которого неуловимы, “не звучат” его художественно-прозаические оттенки»¹⁰⁷³.

В то время как некоторые кастильские прозаики, такие, как Хуан Мануэль, навязывают в своих произведениях монологический дискурс, чтобы скрыть источники и установить свой писательский авторитет¹⁰⁷⁴, в случае прозы Альфонсо X мы имеем дело с диалогическим словом, способным отправиться в плавание в море предыдущих значений и выстроить дискурс, их включающий и им отвечающий, иногда при этом их оспаривая. Именно этим аспектам будет посвящена данная работа.

Стоит напомнить, что Бахтин понимает под гетероглоссией феномен, очень близкий многоязычию, а именно сосуществование многих дискурсов внутри единого текстуального пространства,

и все это может существенно формировать слово, отлагаться во всех его смысловых пластах, осложнять его экспрессию, влиять на весь стилистический облик Bajtín 2019: 512 (русский перевод: Бахтин 1975: 89–90).

¹⁰⁷¹ Chenu 1950: 109–113, Minnis 2010: 10; Paulmier-Foucart 2001: 148–150.

¹⁰⁷² Помимо часто цитируемой *Libellus apologeticus*, это диалогическое сознание также можем видеть в прологе к *la Gesta regum francorum usque ad annum 1214*: «In quibus[gestis] lector non nostraleget, sed veterum, et quod ego loquor, ipsidicunt, et vox mea ipsorumestlingua» (Anónimo 1847: 732).

¹⁰⁷³ Bajtín 2019: 514 (русский перевод: Бахтин 1975: 92).

¹⁰⁷⁴ Необходимость установить свой авторитет заставляет его создавать «Вместо события взаимодействия полноценных сознаний ... философский монолог ... монологически понятый объектный мир, соотносительный одному и единому авторскому сознанию» (Bajtín 2005: 18 [переведено на испанский с учетом: Bakhtin 1984: 9]; [русский перевод: Бахтин 2002: С. 5]).

в то время как диалогизм — феномен более сложный, возникающий в результате взаимного освещения различных языков, присутствующих в тексте, и — параллельно — креативной ассимиляции дискурса *другого* своим собственным, таким образом, что это не приводит к забвению значений, которыми слова обладали раньше. В историях Альфонсо взаимное освещение достигается *ab initio*, поскольку структура текста создается с помощью перевода — диалогического акта по преимуществу: «перевод всех историй Ветхого Завета, а также всех историй о делах язычников»¹⁰⁷⁵.

Однако, как отмечала критика, в процессе перевода *историй* историки не ограничиваются изложением содержания своих источников *verbum pro verbo*¹⁰⁷⁶. Также нельзя сказать, что они полностью следуют принципу *sensum exprimere de sensu* экзегетической традиции Иеронима. Скорее здесь речь идет о таком переводе, который описан в бахтинской концепции: переводчикам известны классические подходы, но они ими не ограничиваются. Будучи переложены на «язык Кастилии», источники *историй* частично теряют свой оригинальный стиль. Этот переход более очевиден во фрагментах, взятых из поэтических произведений, поскольку они не только переводятся с одного языка на другой, но и вводятся в дискурс, чья организация существенно отличается от оригинала. В новом дискурсе, в зависимости от интересов историков и той информации об описываемом явлении, которой они располагают, источники могут быть сведены воедино с содержанием других более крупных произведений или даже фрагментами глосс или схолий¹⁰⁷⁷.

Тем не менее перевод и интеграция источников создает неизбежные трудности, связанные с неоднородностью материала, вводимого в повествование. Несмотря на то что в первой части «Всеобщей истории» Библия — это «дерево, к которому мы, как к основному источнику, всегда обращаемся, когда заканчиваются истории язычников, которыми мы располагаем», одна из ее проблем как источника — в отсутствии хронологии, поскольку в ней «не [разделены] истории и не говорится, что это случилось в таком году, а то в таком»¹⁰⁷⁸. Чтобы решить ее, историки продолжают рас-

¹⁰⁷⁵ GE. 10: 502.

¹⁰⁷⁶ Castillo Lluçh 2005: 134.

¹⁰⁷⁷ См.: Salvo García 2010: 202–203.

¹⁰⁷⁸ GE. 2: 6, 629. Как отмечает Каталан (Catalán 1992: 25), историки круга Альфонсо X быстро отказываются от библейской хронологии, поскольку считают ее недостаточной и непоаной: «ни Моисей, ни Иероним, никто из тех, кто ведет библейский рассказ по годам, не делает этого, разделяя истории подсчетом лет, говоря, что это случилось в таком году, а то в таком, а делают они это таким образом, который мы вам здесь укажем. Они говорят так: Адам был сотворен в начале мира, и затем рассказывают обо всех его делах и всю его историю целиком и в конце говорят, что у Адама были сыновья и дочери,

сказ, адаптируя несколько исправленную версию хронологической таблицы «Хроники» Евсевия-Иеронима, что позволяет им ввести внутрь библейской истории повествования о делах язычников. Чтобы достичь хронологической и нарративной гармонии, замечает Каталан, требуется их вмешательство, которое позволяет привести в соответствие даты и связать между собой новое содержание¹⁰⁷⁹.

и прожил он столько-то лет и умер, но, сколько лет было ему или миру, когда он родил Каина и его сестру Кальману ... такого разделения лет и на годы в истории они не делают... И никакие другие деления лет в библейской истории не сделаны, а если они и встречаются, то в очень не многих местах, как вы увидите далее... Но у нас оно есть, поскольку мы считаем необходимым сделать это разделение на события и на истории и на рассказы язычников, которое мы включаем в библейскую историю, а также мы считаем нужным указывать годы, когда случились те события с язычниками, и помещать их в эту историю, и причина этого еще в том, что так делали мудрецы в своих историях, но делали они это только с событиями, касающимися язычников, но не с библейскими, но нам, как мы уже сказали, стоит отделить здесь годы, когда предводителем был Моисей, чтобы вы лучше видели, куда вписываются события язычников в историях этих книг Моисея. Поэтому мы для вас здесь сделаем такое разделение». Историки высказывают подобные замечания относительно организации книг Библии, которое, напоминая они, стало результатом складывания библейского канона. Несогласные с этим порядком, они предлагают реорганизовать канон Соломоновых книг: «Ранее мы рассказали вам историю деяний царя Соломона, как об этом рассказывает Третья Книга Царей и другие мудрецы, которые говорят о нем. Сейчас, поскольку святые отцы помещают в другое место Библии четыре книги, которые составил Соломон, мы, по причине того, что их сочинил Соломон, считаем, что для лучшего порядка их надо поместить после его историй, чтобы все деяния шли друг за другом вслед, так, как это сделал он. И так как святые отцы устанавливают последовательность этих самых четырех книг и ставят на первое место "Притчи" и затем "Екклесиаста", после "Песнь песней" и в конце "Книгу премудростей", мы исчисляем время и возраст согласно словам Соломона, сказанным в этих книгах, и так как то, о чем говорится в "Песне Песней", соответствует возрасту юношества, когда люди работают с песнями и радуются солнцу, мы располагаем "Песню песней" в этой истории на первом месте. И когда люди выходят из этого возраста, они входят в другой, более разумный, и этому соответствуют "Притчи", поэтому мы ставим их после "Песни песней". И, поскольку далее наступает еще более рассудительный возраст, чем предыдущие, а Соломон в "Книге премудростей" говорит о знании, мы помещаем эту книгу третьей после двух других, как полагаем правильным. Но также люди, когда доживают до старости, видят, что пережитое — это ничто, презирают мир и все, что в нем есть. И поскольку Соломон говорит об этом презрении к миру в "Книге Екклесиаста", мы расположили ее последней из четырех» (GE 2: 629–630, 5: 363). Как замечает Вакс, эта реорганизация ветхозаветного материала также противоречит христианской экзегезе, согласно которой порядок Соломоновых книг был результатом возрастания мудрости царя в его понимании творения. "Песнь песней", последний этап этого пути, — это наиболее сакральное воплощение человеческого понимания божественного откровения. Вакс находит в этой схеме возможное совпадение со средневековой равнинистической экзегезой, очевидно, с Раши, который устанавливает сходный порядок написания (Wacks 2015, 2017). "Песнь песней Рабба" — и вслед за ней Иосиф бен-Исаак Кимхи и Раша — приписывает эту интерпретацию рабби Ионафану: "Сначала он написал "песнь Песней", затем "Притчи" и в конце "Екклесиаста", и об этом можно догадаться из привычного порядка жизни: когда человек молод, он слагает песни, когда делается старше — рассказывает притчи, а когда стареет, говорит о тщетности» (Girón Blanc 1991: 56).

¹⁰⁷⁹ Catalan 1992: 25–37.

Это вмешательство осознается читателем благодаря появлению текстуальной инстанции, берущей на себя эту функцию: повествовательное *nós*, в котором сочетается авторитет коллективов Альфонсовых историков и самого короля как тех, кто излагает *истории*, и их автора¹⁰⁸⁰.

Повествовательное *nós* также выполняет роль посредника между противоречащими друг другу точками зрения на одно и то же событие. Иногда оно появляется, чтобы сообщить о том, что, несмотря на утверждение источника, каким бы авторитетным он не был, принимаются поправки другого источника, поскольку новый рассказ более соответствует организации дискурса или кажется более убедительным компиляторам, при этом признается, что существует «разногласие, [которое] наносит ущерб исторической правде»¹⁰⁸¹. Так происходит в рассказе о рождении Авраама. Стремясь выстроить достоверное летоисчисление, историки замечают, что «сказанное Моисеем в Библии» о его рождении, кажется невероятным¹⁰⁸²; более того, Иероним, Августин, Беда и Петр Коместор возражают против этих подсчетов, и этого достаточно, чтобы убедить их, поэтому они принимают вариант Евсевия-Иеронима.

В других случаях историки используют *nós* для того, чтобы продемонстрировать свое желание инкорпорировать многочисленные рассказы об одном и том же событии, несмотря на то что это вносит противоречие в согласованное видение истории. В двух взаимоисключающих и противоречащих друг другу рассказах первой и четвертой частей «Всеобщей истории» идет речь о происхождении Буцефала. Согласно первому, взятому у Плиния, он был куплен Александром у одного пастуха из Фарсалии: «Говорят, что когда Александр был ребенком, он купил его и заплатил за него шестнадцать марок одному доброму человеку по имени Фарсил»¹⁰⁸³. Согласно второму, более известному рассказу, восходящему к «Истории сражений Александра Македонского» (*Historia de preliis*), это был подарок Филиппу от кападокийского правителя.

¹⁰⁸⁰ С помощью многочисленных лексических заметок и прерываний повествования на это *nós* зачастую проецируется авторитет наиболее уважаемых источников *историй*, упоминаемых как «наши латинские [авторы]» («*nuestros latinos*»), «наши латинские комментаторы» («*nuestros latinos esponedores*») или «наши латинские мудрецы» («*nuestros sabios latinos*») (GE. 1: 159; 3: 111). Об этом см.: García Solalinde 1936; Márquez Villanueva 1994: 39; Ekman 2016.

¹⁰⁸¹ GE. 1: 161.

¹⁰⁸² Исх. 1: 159.

¹⁰⁸³ Plinio 1940 2: 564. См. также: «Eidem Alexandro et equi magna raritas contigit. Buccephalan eum vocarunt sive ab aspectu torvo sive ab insigni taurini capitis armo inpressi. XVI talentis ferunt ex Philonici Pharsalii grege emptum, etiam tum puero capto eius decore» (Plinio 1940 8: 108).

В те времена повелитель Кападокии отправил царю Филиппу большого смелого и очень красивого коня, ноги которого были связаны железными цепями таким образом, чтобы он не мог причинить вред людям, поскольку говорили, что он их ел; и звали его Буцефал, и это имя происходило от слова *bus*, что по-гречески означает бык. И в истории говорится, что назвали его так, оттого что голова у него была как у быка, а на спине железом был сделан знак, или потому что на лбу его виднелись два нароста, похожие на рога¹⁰⁸⁴.

Осознавая эту двойственность повествования, прежде чем излагать первую версию, историки предупреждают, что расскажут другую в «Истории Александра»: «Но в истории Александра иначе говорится о том, как он получил этого коня, о чем мы расскажем вам позднее, когда речь пойдет об истории Александра, потому что к ней относится это событие, но здесь мы рассказали вам, что об этом говорит Плиний»¹⁰⁸⁵.

Санчес-Прието Борха отмечает, что во «Всеобщей истории», так же как и в *Истории Испании*, эта открытость не ограничивается сочетанием рассказов из христианских и языческих источников: авторы также включают, с большой осторожностью, арабские источники¹⁰⁸⁶. Эта черта соответствует тому, что Бахтин понимает как тенденцию к энциклопедичности, свойственную прозе, которая стремится представить «колоссальное реально существующее единство мира и истории»¹⁰⁸⁷. Таким образом, в идеологическом плане *истории* отражают экстрадиететический мир, представляемый Бахтиным как бесконечный симпозиум¹⁰⁸⁸. Во «Всеобщей истории» это стремление к всеобщности проявляется во включении арабских источников, служащих добавлением к библейским рассказам и своими повествованиями восполняющих пробелы, а также предлагающих

¹⁰⁸⁴ Alfonso X. Hist. Novel. 8: 314. В «Истории сражений Александра Македонского» см.: «In ipsis denique temporibus quidam princeps Cappadocie adduxit Philippo regi cabalium indomitum, corpore magnum et pulchrum nimis ligatumque ex omni parte catenis ferreis; comedebat enim homines et dicebatur ispe caballus Bucefalus propter aspectus torvitatem seu ab insignis, eo quod taurinum caput in armo habebat ustum, seu quod de fronte eius quedam mine corniculorum protuberabant» (Alfonso X. Hist. Novel.: 56).

¹⁰⁸⁵ Plinio 1940 2: 564.

¹⁰⁸⁶ GE. 1: lvi–lviii.

¹⁰⁸⁷ Alfonso X. Hist. Novel.: 225.

¹⁰⁸⁸ В неоконченных заметках (ок. 1961 г.), в которых Бахтин перерабатывает некоторые положения «Проблем поэтики Достоевского», он пишет: «Диалогическая природа сознания, диалогическая природа самой человеческой жизни. Единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является *незавершенный диалог*. Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками. Он вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум» (Вајтін 1999: 334) (русский перевод: Бахтин 1979: 318).

комментарии относительно спорных моментов, не получивших разрешения в рамках христианской экзегезы.

Вернемся к событиям, связанным с рождением Авраама. В повествующем о них разделе, куда включены фрагменты «Книги дорог» андалусского географа аль-Бакри, мы находим объяснение, превосходящее возможную критику и оправдывающее обращение к этому и другим арабским авторам, которые приравниваются здесь к христианским комментаторам.

У арабов, как и у нас, есть своя Библия, переведенная с иврита, и поскольку они там меняют местами некоторые истории и помещают другие, они говорят о наших праотцах, также у них есть свои толкователи, и они приводят свои доказательства слов Моисея из Библии, как это делаем и мы. И поскольку убеждения их ошибочны, они не веруют в Иисуса Христа, но много хорошего и верного и правильного они сказали о Библии и о прочей мудрости, и среди них были и сейчас есть великие мудрецы. И там, где они сказали хорошо, мы считаем, нет ничего неправильного в том, что мы сравниваем их слова с нашими, поскольку мы видим, что так делали и так делают наши святые, которые, чтобы доказать Воплощение Господа нашего Иисуса Христа, в том месте Священного Писания, где речь идет о ночи Рождества, приводят также свидетельства и языческих авторитетов, взятые из книг на арабском, равно как и иудейских и христианских, отовсюду, где смогли их найти, потому что они служат выполнению их цели¹⁰⁸⁹.

Я не буду пытаться прочитать этот пассаж, «вживаясь» в его содержание, поскольку, думаю, это уведет в сторону о того, что мне представляется в нем ключевым: историки утверждают, что включают слова арабских комментаторов, потому что они служат (*cumplen*) достижению цели этого изложения (*a la su entención*). Они отстаивают эту идею в том числе, потому что осознают свою роль посредников между содержанием этих документов и *историей*, которую они создают, а не только переводчиков. Тем не менее нужно помнить, что, равно как и латинские источники «Всеобщей истории», арабские тексты перерабатываются в процессе перевода. Это относится ко всем историческим сочинениям. За исключением считанных случаев — этимологические глоссы, библейские цитаты или стихи на латыни — читатель *историй* никогда не имеет дела с оригиналами. Это создает впечатление передаваемой речи, что принципиально важно для авторитета, который пытаются выстроить

¹⁰⁸⁹ GE. 1: 160. Мне представляется достаточно значимым, что историки круга Альфонсо X проводят имплицитное сравнение между своей задачей по перестройке материалов Вульгаты и тем, как в Коране реорганизируются рассказы ТаНаХа: «поскольку они там меняют местами некоторые истории и помещают другие».

историки. Читателю только остается прочесть и принять слова «второй степени», если использовать терминологию Женетта¹⁰⁹⁰, которые, по словам историков, принадлежат арабам, но оригиналы — никогда.

Возможно, в предыдущей цитате процесс фильтрации не так очевиден, как в других фрагментах второй части «Всеобщей истории», где историки демонстрируют свое нежелание включать рассказы классических авторов, потому что находят в них «превращения и... странные рассказы»¹⁰⁹¹. Так происходит в случае с «Метаморфозами» Овидия, неправдоподобная сверхъестественность которых в некоторых случаях слишком противоречит христианским нормам, чтобы допустить эвгемеристическую интерпретацию. И в этом месте Овидий рассказывает о странном превращении, одном из тех, о которых он обычно рассказывал в историях, предшествующих этой, и в последующих историях своей главной книги. И поскольку это небылица, мы не хотим здесь рассказывать все так, как это делает он, но лишь столько, чтобы не потерять полностью нить повествования, и те истории, которые рассказывает он, мы передадим как можно более кратко¹⁰⁹².

Подобный способ используется для того, чтобы обозначить присутствие во «Всеобщей истории» голосов менее заметных (или, по крайней мере, не столь изученных) — ее еврейских источников. Они вводятся сгруппировано и сопровождаются репортивными фор-

¹⁰⁹⁰ Примечательно, что речь идет об идее, позаимствованной Женеттом у Кристевой (Kristeva 1967: 444), которая выдвинула ее, опираясь на теории Бахтина.

¹⁰⁹¹ GE. 3: 396.

¹⁰⁹² GE. 3: 87. Как отмечает Сальво Гарсия, с мифом об Актеоне происходит нечто иное: он принимается, поскольку может быть представлен аллегорически (Salvo García 2018: 149–150): «И о произошедшем с Актеоном эти языческие авторы сложили стихи на латыни и записали их; но также знайте, что хотя те авторы и мудрецы, желая рассказать, на что они осмелились, приводят рассказы, эти и многие другие, которые мы вам здесь передадим, и даже ведут в них речь о превращении одного в другое, но они делают это всегда, чтобы по-другому изобразить события, о которых в рассказах идет речь, и хотят привести там более наглядные примеры того, как наказываются безрассудные и вредоносные вещи. И все эти рассказы о королях и детях и внуках королей и повествуют об обычаях и о том, как исправить плохие и вредные из них и превратить в хорошие; и поэтому мы, чтобы не исключать многие другие хорошие рассказы, которые есть там и относятся к истории, и чтобы не отказываться от этих рассказов из-за превращений, которые описывают авторы и которые похожи на небылицы, но ими не являются, расскажем вам все так, как это сделали язычники и как они записали это в своих книгах и согласно тому, как об этих событиях повествуют наши мудрецы, и таким образом, мы вам разясним, как эти превращения произошли и что они означают и какая польза и урок в этом есть, а также как это толкуют наши мудрецы» (GE. 3: 205–206). Стоит заметить, однако, что голос историков всегда сопровождает этот герменевтический процесс: они предупреждают читателя о фантастическом содержании, но также объясняют ему пользу аллегорического прочтения, в котором они будут направлять его, объяснив в конце, какой урок можно извлечь из прочитанного.

мулами «разъясняют евреи» (*departen los judíos*), «у евреев считается» (*tienen los judíos*), «говорят евреи» (*dizen los judíos*) или «по суждению евреев» (*razonan los judíos*)¹⁰⁹³.

Как отмечают многие исследователи, включение этих противоречащих друг другу материалов свидетельствует о том, что настоящая цель *историй* — не единый универсальный рассказ, будь то события в мире или на полуострове, о создание такой истории, в которой будут взаимодействовать как можно больше исторических дискурсов. Некоторые из них повествователи признают достоверными и надежными, в то время как другие могут считаться сомнительными и даже обозначаться как ложные¹⁰⁹⁴. Таким образом, для сотрудников Альфонсо X историческая правда — это полифония, которую стараются не скрыть, а верно представить¹⁰⁹⁵.

Перевод — это главный из находящихся в их распоряжении инструментов для реапроприации чужих слов, служащий для достижения цели, стоящей перед новым сочинением. Но этот процесс имеет также и другой результат, противоположный описанному

¹⁰⁹³ GE. 1: 39, 200; 2: 140, 247. См. об этом: Wacks 2016; Navarro 2019.

¹⁰⁹⁴ Сомнение относительно имен фараонов, сообщаемых в одной из арабских историй Египта, которая была использована в качестве источника «Всеобщей истории», вынуждает историков сделать длинное отступление и объяснить ее включение. Здесь с очевидностью проявляется необходимость формально обосновывать выбор, обсуждать возможные источники проблемы и преимущества включения сомнительной информации: «И мы обнаружили очень большое расхождение в именах фараонов, которые приводятся в этой Истории Египта, и теми, что сообщают в своих хрониках Евсевий на греческом и Иероним на латинском. И по этой причине мы считаем нужным дать здесь для вас разъяснение их сказаний и имен. Присциан в своей главной Книге говорит о семи частях истории и подтверждает, что их семь, и другие мудрецы, говорящие о том же, считают, что хотя у людей существует семь главных сказаний, которые мы вам уже привели в рассказе о египетской царице Изиде, также существует семь алфавитов, отличающихся друг от друга начертанием, а языков в мире гораздо больше, чем сказаний. Он [Присциан] разъясняет, что тем не менее в этих семи сказаниях главных имен — три, согласно тем народам, которые эти сказания используют. И одно имя греческое, а другое — латинское, все остальные, что не греческие и не латинские, те варварские. Но, хотя все остальные варварские, и египетские в том числе, у этих варваров не один язык и сказания, но множество своих языков и сказаний, поэтому там есть те, которых называют известными именами, и те, кого называют неизвестными. Поэтому мы считаем правильным, что египтяне на своем варварском или арабском называют своих правителей фараонов одними именами, а другие люди на ином арабском наречии — другими именами; и представляется нам по этой причине, что стоит доверять этим именам и в одних, и в других историях, но прежде всего трудам тех мудрецов, которые писали о них историю. И поэтому, чтобы исполнить все это, мы всегда будем называть вам и те имена, и другие» (GE. 2: 259–260).

¹⁰⁹⁵ Такое же мнение высказывает Ирина Ершова в докладе, где она объясняет, что различные рассказы *историй* на самом деле не противоречат друг другу, а дополняют, а также указывают на такое видение исторической правды, которое зависит от взаимодействия разных источников.

выше. Коупленд пишет о том, что в то время как «переводчик стремится ввести язык оригинала с помощью глубокого его понимания... когда он открывается через это активное понимание, от языка оригинала ждут, что он будет наполнять, формировать целевой язык»¹⁰⁹⁶. Такая двунаправленность, когда язык оригинала представляется наиболее подходящим для передачи содержания на другом языке, проявляется в некоторых пассажах, где историки объясняют, что предпочитают иностранные термины их эквивалентам в своем родном языке, поскольку они больше подходят к описываемому предмету, давая возможность использовать слово «более легкое для произношения ... и более уместное»¹⁰⁹⁷. Это происходит также потому что, как отмечает Сальво Гарсиа, историки вынуждены принимать лексические заимствования из-за «того, что в кастильском (или романсе) зачастую отсутствовали соответствующие референты, которые могли бы выразить содержание компилируемых текстов»¹⁰⁹⁸.

Вместо того чтобы закончить подведением итогов сказанного в этой статье или выстроить образцовое заключение, собирающее воедино все намеченные линии и, в то же время, не оставляющее возможности для последующих дискуссий, я хочу предложить два несвязанных друг с другом вопроса, касающихся историографии Альфонсо X и последующей эпохи. Исходя из ранее сказанного, я полагаю, что при ответе на них идеи Бахтина также могут быть бесполезны. Первый из них: как следует понимать роль и воздействие нарративного голоса (*nóς*) историй? В известнейшем пассаже «Всеобщей истории» утверждается, что этот голос принадлежит не историкам, а Мудрому королю, ее истинному автору, поскольку именно он организует, корректирует и направляет процесс составления¹⁰⁹⁹. Эта тяга к сочинительству и участие в редактировании той

¹⁰⁹⁶ Copeland 1991: 34.

¹⁰⁹⁷ GE. 8: 52.

¹⁰⁹⁸ Salvo García 2018: 151. Подобное объяснение мы находим в кодексе «Видаля Майора», где оно обосновывает введение (неохотное) латинизмов вместо слов собственного языка в тех случаях, где этого требует содержание законов. Это связано с отсутствием соответствующих эквивалентов в арагонском романсе на ранней стадии эволюции языков полуострова: «столько есть неизвестных слов из латинского, и столько из арагонского, что не могут быть эти слова с легкостью изложены на латинском, разве что приблизительно, и говорящие на романсе не могут понять их, если они не обучены премудростям науки» (Tilander 1956: 2: 522).

¹⁰⁹⁹ «Как мы уже много раз говорили, король создает эту книгу, не потому что он пишет ее собственными руками, но потому что он приводит здесь свои рассуждения и исправляет и соединяет и направляет и указывает, каким образом это нужно сделать, и записывается то, что он приказывает, и по этой причине мы говорим, что король создает эту книгу. Таким же образом, когда мы говорим, что король строит дворец или создает нечто другое, это сказано не потому, что он делает это своими руками, но потому что он приказал это сделать и дал необходимое для этого, и завершается все тем, от чего имени создается творение, и поэтому мы обычно говорим так» (GE: 2:393).

же природы, что и в других произведениях Альфонсо X, например, в прологе к «Книге восьмой сферы», где король заявляет о своем всестороннем участии в проверке текста, что является своего рода *микроуправлением*, граничащим с компульсивным перфекционизмом: «И затем этот вышеназванный король исправил и приказал записать и убрал рассуждения, которые показались ему лишними и повторяющимися и неправильно изложенными по-кастильски, и добавил другие, которые счел важными, и что касается языка, его он выправил по своему разумению»¹¹⁰⁰. Об этих же качествах сообщает Хуан Мануэль, когда говорит в «Сокращенной хронике» о контроле короля над работой его мастерских:

При дворе благородного короля дона Альфонсо ... было множество учителей наук и премудростей, которым он очень благоволил, и ... было большое помещение для изучения предметов, о которых он хотел составить книги. Он проживал в разных местах год, два или более, однако, как говорят те, кто жил его милостью, [там] с ним могли поговорить те, кто этого хотел, или когда он хотел поговорить, и также было пространство для его собственных занятий и для того, чтобы рассматривать и изучать ученые предметы, которые он приказывал приводить в порядок учителям и мудрецам, которых держал для этого при своем дворе¹¹⁰¹.

Несмотря на эти сообщения, невозможно отрицать, что в *историях nob* включает в себя и других участников процесса сочинения, тех, кого Терес Мартин называет *makers*, но кого правильнее было бы назвать *fazedores* (*создатели*) книг. Похоже, речь идет о голосе, в котором сливаются многие другие голоса-участники этой идеальной литературной мастерской, которую представлял себе Бонавентура, где вместе с голосом *автора* звучат голоса *скрипторов, компиляторов и комментаторов*.

Второй вопрос: каким образом установка на полифонию и гетероглоссию, которой Альфонсо наделил свои *истории*, воплощается в порожденном ими беспорядочном множестве текстов? Как и в случае с источниками «Истории Испании» и «Всеобщей истории», быстрая канонизация *историй* в ученых кругах полуострова приводит к семиотическому взрыву, в результате которого они становятся наилучшим материалом для создания новых историографических сочинений, служа принципиально иным целям, нежели те, что у них были в эпоху Альфонсо X. Среди наиболее очевидных случаев подобного рода — «Сокращенная хроника» и «Завершенная хроника» Хуана Мануэля, «Хроника 1344 г.» графа

¹¹⁰⁰ EE E₁. fol. 2v.

¹¹⁰¹ Juan Manuel. 2007: 67.

де Барселуш и хроники Санчеса де Вальядолида. Исследования последних десятилетий, посвященные историографии после Альфонсо X, с очевидностью указывают на то, что было бы наивным считать эти переработки всего лишь подражанием, цель которого — расширить и актуализировать проекты, начатые Мудрым королем. Помня предупреждение Сьюзен Зонтаг относительно интерпретации («радикальная стратегия сохранения старого текста ... [путем] его переделки ... Как бы сильно интерпретаторы ни меняли текст <...> они должны утверждать, что вычитывают смысл — его содержимое»¹¹⁰²), можно сказать, что до сих пор сохраняется необходимость тщательно изучить, каким образом тексты постальфонсово́й эпохи функционируют в одно и то же время как произведения новые и старые, палимпсесты, которые увековечивают и оттеняют голоса, использованные Альфонсо X для создания нового дискурса, рассказывающего историю на романсе.

¹¹⁰² Sontag 1966: 6 (русский перевод: Сонтаг 2014: 16 [Прим. пер.]).

УДК 94 (460)
ББК 63.3(0)4
И89

Исследование выполнено в рамках проекта «Интеллектуальная элита в политической жизни Европы (на примере профессиональных историков)» научного центра мирового уровня «Центр перспективных социальных исследований» (ЦПСИ) ИОН РАНХиГС (№ соглашения о предоставлении гранта Минобрнауки РФ: 075-15-2020-908)

Научные рецензенты:

*Ершова Ирина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)
Волосюк Ольга Виленовна, доктор исторических наук, профессор (НИУ ВШЭ)*

Историк и власть, историк у власти: Альфонсо X Мудрый и его эпоха И89 (к 800-летию со дня рождения) / Под общ. ред. О.В. Аурова, А.В. Марей, Р. Пичеля. — М.: Издательская группа «Альма Матер»; Издательство «Альма Матер», 2024. — 564 с.: ч/б ил. — (Эпохи. Средние века. Исследования).

ISBN 978-5-904994-35-8

Монография, написанная при участии видных историков-медиевистов из России, Испании, Аргентины, Бразилии, Великобритании и нек. др. стран, посвящена фигуре Альфонсо X Мудрого (1221–1284), короля Кастилии и Леона (1252–1284), выдающегося политика, писателя и ученого, значение политического и культурного наследия которого выходит далеко за рамки Пиренейского полуострова. «Возрождение XIII века» Альфонсо X вобрало в себя лучшие достижения культуры «долгого XII века», которые получили всестороннее развитие на испанской почве. Как политик Альфонсо X внес решающий вклад в становление основ современной государственности Испании, утвердив доминирование Кастилии и Леона на Пиренейском полуострове. Как законодатель, Альфонсо X стал составителем первых европейских правовых кодексов на разговорном языке, основанных на принципах современной ему университетской юриспруденции. Как историк, Мудрый король впервые осмыслил политическое пространство современных ему королевств Леон и Кастилия, земель Арагонской Короны, Наварры, Португалии и мусульманской Гранады как политическое и культурное единство с общей исторической судьбой, что во многом предопределило будущее объединение испанских земель в единое государство. Политическим целям Альфонсо X была подчинена и его деятельность в сфере культуры, прежде всего — в том, что касалось расширения области действия средневекового кастильского языка, ставшего языком делопроизводства, права, науки и литературы. Хорошо знакомый с наследием античной латинской культуры в ее средневековой интерпретации, Мудрый король, выдающийся средневековый ученый и энциклопедист, внес огромный вклад в формирование средневековых основ классической культуры Испании. Книга адресована ученым-медиевистам, специалистам по истории культуре Испании, студентам и всем интересующимся историей западноевропейского Средневековья.

УДК 94 (460)
ББК 63.3(0)4

- © Ауоров О.В., Марей А.В., Пичель Р., составление, общая редакция текста, 2024
- © Ауоров О.В., Марей А.В., вступительная статья, 2024
- © Коллектив авторов, текст, 2024
- © Оригинал-макет, оформление. Издательская группа «Альма Матер», 2024
- © Издательство «Альма Матер», 2024

ISBN 978-5-904994-35-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Олег Валентинович Аулов, Александр Владимирович Марей</i> Эпоха Альфонсо X: к постановке проблемы.	5
<i>Мануэль Гонсалес Хименес</i> История одного правления. Альфонсо X, король Кастилии и Леона (1252–1284) (пер.: Панфилова А.)	18

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Акилино Иглесиа Феррейрос</i> Вклад Альфонсо X в развитие правовой традиции на Пиренейском полуострове (пер.: Полетаева Е.А.)	35
<i>Хосе Санчес-Арсилья Берналь</i> Кортесы во времена правления Альфонсо X Мудрого (пер.: Полетаева Е.А.)	50
<i>Джозеф Фрэнсис О'Кэллэген</i> Уложения и практики Альфонсо X в материалах кортесов 1286–1348 гг. (пер.: Чернина Л.В.)	91
<i>Мария Антония Кармона Руис</i> Передвижения и места пребывания Альфонсо X. Типология поездов и центров политического действия (пер.: Самсонова Д.)	105
<i>Оскар Вильярроэль Гонсалес</i> Дипломатия на службе у власти: пример Альфонсо X (пер.: Полетаева Е.А.)	125
<i>Дарья Михайловна Омельченко</i> Привилегия Альфонсо X из коллекции академика Н.П. Лихачева: архивоведческие заметки	144

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Альберт Метхильд</i> Друг-советник: отношения между королем и его приближенным (<i>privado</i>) в «Калиле и Димне» (1251) и «Сборнике примеров против обманов и опасностей мира» (1493) (пер.: Полетаева Е.А.)	151
<i>Ульрике Беккер</i> «Калила и Димна»: вымысел, политические концепции и мир Альфонсо X (пер.: Чернина Л.В.)	166
<i>Э. Майкл Джерли</i> Страхи императора: Альфонсо X и политико-культурное значение «Книги об Александре» (пер.: Браун Е.Д.)	182
<i>Хосе Мануэль Ньето Сория</i> Альфонсова модель монархической власти в политических конфликтах Кастилии эпохи Трастамара (пер.: Самсонова Д.)	206
<i>Хуан Сота Фернандес Мартос</i> «Воображаемое общество» в «Кантигах о Святой Марии»: религиозно-нравственные идеалы мирян	226

Ирина Игоревна Варьяш

«Свои мавры» в политической риторике христианских королей
(XIII–XIV вв.) 238

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ПРАВО

Хосе Домингеш

Средневековая традиция *Семи Партид* в Португалии
(пер.: Полетаева Е.А.) 249

Кайл К. Линкольн

Клирики и клир по данным корпуса сочинений Альфонсо X
(пер.: Коновалова А.) 264

Фаустино Мартинес Мартинес

Практика применения «Семи Партид» до издания «Уложения
Алькалы-де-Энарес» 1348 г. (пер.: Косиченко И.Н.) 276

Педро Андрес Поррас Арболеда

Фуэро, Партиды и их толкователи (пер.: Косиченко И.Н.) 299

Жоан Путчденголас

Изменить кодекс: Семичастие и последние модификации
юридического дискурса Альфонсо X (пер.: Полетаева Е.А.) 309

Хосе Мануэль Фрадехас Руэда

Об исторических изданиях «Семи Партид»: Образец для издания
Грегорио Лопеса 1555 г. (пер.: Косиченко И.Н.) 325

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ИСТОРИОПИСАНИЕ

Наталья Кирилловна Киселева

Реконструкция сюжета о последнем вестготском короле Родриго:
От Альфонсо X Мудрого к «старому» романсу 345

Ольга Писниченко

Хроника как политический дискурс Модификация поведенческих
моделей путем идеализации и трансформации эпических фигур
в «Истории Испании» Альфонсо X 358

Елена Сергеевна Марей

Церковь Испании и Рим в зеркале «Истории Испании»
Альфонсо Мудрого 376

Марิโอ Антонио Коссио Олаvide

О чем еще не сказал Бахтин: гетероглоссия и полифония
в *Историях* Альфонсо X (пер.: Полетаева Е.А.) 388

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Рафаэль Кано Агилар

Синтаксическая конструкции текстов круга Альфонсо X
(пер.: Полетаева Е.А.) 405

Франсиско Хавьер Бран Гарсия

Наследие средиземноморских игровых практик в «Книге игр»
Альфонсо X Мудрого на основе латинских источников
(пер.: Косиченко И.Н.) 425

Кармен дель Камино Мартинес, Елена Э. Родригес Диас

568 Оглавление

Рукописное наследие и почерк Альваро де Овьедо
(пер.: Полетаева Е.А.) 433

Сальваторе Ликкардо

Пиренейский полуостров в «космографии» Юлия Гонория
и *vice versa* (пер.: Чернина Л.В.) 449

ЭПОХА МУДРОГО КОРОЛЯ: ИЗДАНИЕ ТЕКСТОВ

Энгус Уорд

Издавая оцифрованное знание: «История Испании» Альфонсо X
Мудрого в XXI в. (пер.: Стребкова Д.) 467

Инес Фернандес-Ордоньес Эрнандес

Новое критическое издание «Истории Испании» Альфонсо X
(пер.: Полетаева Е.А.) 492

Принятые сокращения 512

Библиография 519

Сведения об авторах 559

Научное издание

Эпохи. Средние века. Исследования

**Историк и власть, историк у власти:
Альфонсо X Мудрый и его эпоха
(к 800-летию со дня рождения)**

*Перевод с ? языка:
И.О. Фамилия*

Выпускающий редактор: М.С. Левина
Младший редактор: А.И. Гура
Корректор: И.М. Башлай
Компьютерная верстка: К.А. Крылов
Дизайн обложки: Д.А. Бондаренко

Подписано в печать ???.?.2023. Формат 60 × 90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,75. Тираж 300 экз.
Заказ №

ООО «Издательская группа «Альма Матер»,
адрес: 107061, г. Москва, Преображенский вал, д. 24, корп. 1, офис 21

ООО Издательство «Альма Матер»,
адрес: 107396, г. Москва, ул. Просторная, д. 2, офис 248

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 499 322 3832